

Избранница народа

«ПРАВО выбора» продолжает знакомить своих читателей с историей выборов Государственной думы. Свидетельства очевидцев собраны в хрестоматии «Выборы в I-IV Государственные думы Российской империи», изданной Российским центром обучения избирательным технологиям при Центризбирком под общей редакцией доктора юридических наук А.В. Иванченко. Автор воспоминаний, которые публикуются в сегодняшнем номере, – российский политический деятель, депутат Государственной думы трёх созывов (1907–1917) Василий Алексеевич Маклаков.

Что представляла из себя в это время если не народная масса, которую разгадать всегда трудно, то по крайней мере, её избранница – Дума? Выборы – один из несовершенных способов определять «народную волю». Её вообще невозможно выразить именем «кандидата», не говоря о других затруднениях. А главное, у народа как целого ни своей воли, ни своего голоса нет. Он напоминает ребенка, который говорить не умеет и издает только нечленораздельные звуки. По ним можно догадываться, где ему больно и чего ему хочется; но то, что ему нужно, определять должны другие. В этом должно было быть настоящее назначение Думы.

Про результаты выборов говорят, что они похожи на «разбитое» зеркало. И в разбитом зеркале можно многое видеть. Так и выбранная Дума напоминала Россию; напоминала её прежде всего своей разнородностью. Как всякое представительное учреждение по культурному уровню она в общем была выше страны. Но все безграмотных не было. Но все же большинство её было серой, для законодательства не подготовленной массой. Зато в ней было блестящее, далеко поднимавшееся над средним уровнем меньшинство. В первой Думе оно было особенно ярко; позднее самое участие в Думе уже делало репутацию; репутация членов первой Думы были ими созданы раньше. Они делали честь стране, которая сумела их оценить.

Состав Думы наглядно отразил и главную черту этого времени – моральное крушение старого строя. Странников его в чистом виде в Думе не было вовсе. Репутация консерватора тогда губила людей. Даже такие исключительные популяры, легендарные люди, каким был Ф.Н. Плевако, по этой причине не прошли по Москве. На правах скамьях, на которых мы видели позднее Пуришкевича, Маркова и Замысловского, сидели такие заслуженные деятели освободительного движения, как граф Гейден или Стахович. Они сами не изменились ни в чем, но очутились во главе оппозиции справа. Эта правая оппозиция в первой Думе выражала подлинное либеральное направление; именно она могла бы безболезненно укрепить в России конституционный порядок.

Присутствие оппозиции обыкновенно придает интерес парламентским прениям. В первой Думе за него мы обязаны почти исключительно Гейдену и Стаховичу; всю тяжесть борьбы с большинством вынесли на себе эти два человека. Среди их сторонников были люди, которые потом в другой обстановке сыграли видную роль (например, граф Олсуфьев). Но в первой Думе они молчали. Оба правых лидера были разные люди, но дополняли друг друга. Оба по происхождению принадлежали к привилегированной среде, были застрельщиками её борьбы за либеральную и долго шли в первых рядах, пока демократическая волна их не обогнала. Предводитель, земский деятель, председатель Вольного экономического общества граф Гейден сделался «конституционалистом» давно; ум трезвый и ясный, он видел, как под блестящей оболочкой разлагалось самодержавие и понимал, что без

поддержки либеральной общественности погибнет монархия. Отсюда его одинаковая преданность конституции, как и монархии. Но он не делал себе иллюзий относительно зрелости не только глубинных слоев, но и верхушки нашего общества.

Когда переводимая демагогия стала доказывать, что спасение России только в полном «народопроставе», он стал обличать эту ложь с той же настойчивостью, с которой боролся против лжи старого строя. Он без устали напоминал Думе азбучные истины правового порядка, что надо уважать чужие права, если хочешь требовать и к своим уважения, протыкал иронией мыльные пузыри громких фраз, которыми тогда заменяли серьезные доводы. Он не возражал против реформ, не брал на себя защиту правительства, которое считал главным виновником того, что случилось; но среди первой Думы он был проповедником «здорового смысла» и «серьезного» отношения к делу. С лицом американского «дяди Сэма», он не был ни многословен, ни красноречив, не искал словесных эффектов, тем более что заикался и временами как-то «мычал». Но был всегда содержателен, всем доступен, и его речи не только производили впечатление, но внушали лично к нему уважение даже противникам.

Иной фигурой был М.А. Стахович. В политике он долго оставался сторонником самодержавия. В протоколах «беседы» мне пришлось прочесть диспут, который однажды на эту тему так состоялся. Стахович почти один отстаивал самодержавие. И характерны его главные доводы. Он, во-первых, настаивал, что самодержавие создано и поддерживается «волей народа», который иного порядка не понимает; и затем, – это главное, – что ни один режим не может так быстро и полно провести социальные реформы, которые необходимы России.

Стахович представлял собой довольно редкую разновидность «идеалистов» самодержавия, которые считали, что самодержавие может быть опорой и «политической свободой», и «социальной справедливости». Он от него этого искренно ждал. Жизнь ему показала, как он ошибался в этой оценке. Будучи камергером и губернским предводителем, на миссионерском съезде в Орле он произнес речь о необходимости свободы религиозной совести. Ему, глубоко верующему человеку, это казалось вполне очевидным; но речь вызвала целый скандал, и нужны были его связи, чтобы он не пострадал. Он без всякой задней мысли принял участие в съезде земцев у Шипова (1903 год) перед началом сельскохозяйственных комитетов и, передавая ему Высочайший указ, передавая ему Высочайший указ о его участии, Плевако был именно с ним особенно агрессивен и резок.

Участвуя на одном процессе в качестве словесного представителя, он имел случай воочию увидеть, что может делать слепой произвол местных властей, и написал об этом в «Правде» статью за полной подписью; статью запретили, но она без его ведома дошла до «Освобождения», где её напечатали. Это вызвало против Стаховича громы князя Мещерского, откуда получился любопытный и в свое время очень сенсационный процесс по обвинению последнего в клевете.

Стахович никогда не отказывался хлопотать за тех, кто к нему обращался – сколько людей к нему посылал Лев Толстой, – и узнавал от них, что творилось в низах, как далеко действительность от идеального самодержавия. Но – и это любопытная и для него характерная черта – он все-таки конституционалистом не делался. Это многих его друзей удивляло. «Я присягал самодержавному государю и свое слово назад взять не могу», – он мне не раз говорил.

Многим это казалось неискренне; кто такое «присяга»? Кто с ней в наше время считается? Но в этом отношении он был старомоден. Зато, когда сам государь от самодержавия отказался, он это приветствовал с радостью и за этот шаг монархии тогда все простил. Он стал «конституционалистом по Высочайшему повелению», как про него и про себя самого острит Хомяков.

Конституционный строй в его понимании мог монархию оздоровить и спасти, и провести все те реформы, необходимость которых он усвоил давно из первых же рук. «Стиль первой Думы», её нетерпеливость, нетерпимость, несправедливость к противникам, грубость, вытекавшая из сознания безнаказанности, – словом, все то, что многим пленило как «революционная атмосфера», оскорбляло не только его политическое понимание, но и эстетическое чувство. Атмосфере этой он не поддавался и потому стал с ней бороться. У него не было кропотливой настойчивости, как у Гейдена; он был человеком порывов, больших парламентских дней, а не повседневной работы. Но в защите либеральных идей против их искажения слева он мог подниматься до вдохновения. Напоминавший

сплачивать и дисциплинировать революционные силы стихийной волной... Такова ближайшая цель момента и задача выдвинутой историей политического органа для осуществления этой цели – первой Государственной думы» (Локоть. Первая Дума. С. 142).

Это та тактика, которую когда-то освободительное движение применяло против самодержавия. Разнудавшаяся революционная стихия именно потому, что она стихия, и после конституции шла прежним путем. Для неё все оставалось по-старому. Она хотела сначала существующий государственный порядок довести до конца, а потом уже и сбросить существующую власть. Тогда появятся и новые силы, которые создадут новый порядок, может быть, очень непохожий на тот, о котором мечтали наивные разрушители. Но это созидание не было задачей трудящихся и вообще первой Думы. В непонимании этого, по мнению трудящихся, была коренная ошибка кадет. Кадеты могли быть только партией будущего. «Позднее их время придет. Но в России оно пока еще для них не настало. Оно настает тогда, когда революционная волна разольется на ряд более покойных потоков, по которым и «кадеты» сумеют плавать так, как это будет соответствовать их натуре и их классовым или групповым интересам» (Локоть. Первая Дума. С. 118).

Итак, задача трудящихся была только разрушительной: продолжать революцию. Дума – орган революционной стихии. Задача её – помогать этой стихии, бороться со всем, что мешает её торжеству. Трудящиеся в этом последовательны, если принять их исходную точку, что вся

Заседание депутатов Государственной думы в зале Таврического дворца. 1911 год

страна революционно настроена. Если это настроение достаточно глубоко и сильно, то оно может власть сбросить; если так перспектива представляется полезной для России, то нужно служить именно ей, а не «играть в конституцию».

Так и ставили свою задачу думские лидеры трудящихся. Настроение трудовой группы было, конечно, несомненно с установлением «правового порядка». Но сила трудящихся была в том, что это настроение тогда встречало отклик повсюду. Оно было общедоступно; почти каждый душо оно было понятно и сродно. Оно было примитивным мировоззрением, для всех соблазнительным. И если говорить только о Думе, то ясно, что ни тонкая критика Гейдена, ни либеральный пафос Стаховича не могли этого настроения в ней одолеть. Они оба сами были от него слишком далеки, чтобы его понимать и с успехом оспаривать. Стахович и Гейден для своей прежней среды казались изменниками, и их там осуждали; но освободительное движение их обошло, от них отмежевалось, и не им было его повернуть. Здесь начиналась историческая ответственность кадетской партии как таковой. Она одна могла бороться с этим настроением. Значило ли это навязывать ей задачу, которой она не хотела? Напротив, она сама всегда именно так её понимала, и в этом была её настоящая сила.

Ведь даже когда освободительное движение шло под отрицательным лозунгом «долгой самодержавие», кадеты им не удовлетворялись и попытались написать «конституцию». Она для России совсем не годилась, но среди разрушительного разгула стихии была здоровой попыткой. Кадеты приготовили для Думы и деловые «законопроекты»; они были очень наивны, больше всего их «аграрный» проект; но это было все же созидательным делом. Кадеты понимали, что задача не в одном добывании власти; они не исключали своего участия в ней не при революции, а при государе. Милоков потом вел даже тайные переговоры об этом. Если посмотреть более позднее время, то настроение кадет еще более ясно. Во время войны они создали Прогрессивный блок, который был выражением именно этой идеи. И недаром после 1917 года они стали главным объектом революционного озлобления и слово «кадет» сделалось «ругательным сло-

вом». Потому не идеология их, а злополучная тактика их вождей скрыла их сущность; она подсказывала им правильные шаги только тогда, когда было уже поздно, и заставляла отталкивать благоприятные возможности, когда они им представлялись. Такую возможность они упустили, когда в октябре 1905 года Витте послал свое приглашение земцам; упустили её и в первой Государственной думе. Укрепить в России данную ей конституцию было настоящим кадетским призванием; они могли это сделать, если бы захотели.

Первая Дума собрала все, что среди них было лучшего; патриархов освободительного движения, заслуженных общественных деятелей и молодые восходящие силы в науке, искусстве, журналистике. Имена их известны и их слишком много, чтобы всех перечислить. Кадетская глея была головою вместе с другим, горела жаждою дела; хотела насытить, а не развалить конституцию. «Мы с вами врожденные парламентарии, – с грустью говорил Кокошкин Винаверу, – а идем другою дорогою». Бесплезно высчитывать, сколько для лояльной конституционной дороги можно было бы в первой Думе набрать голосов. Милоков в июне («Речь», 18 июня) подсчитал, что для кадетского министерства (без трудящихся) прочное большинство (305 голосов) обеспечено. Важно не это. Кадеты могли поднять «встречное течение», вести за собой колеблющихся и беспартийных, которых было везде большинство; у них на это бы хватало талантов; для этого им только надо было остаться собой и дать настоящий ли революционный стихии за начала конституционного строя. Такая идея была в Думе была достойнее их дарований и их исторической роли, чем запоздалое обличение уже признанных грехов нашего строя. Но вести борьбу за конституцию надо было без оглядки налево, полным голосом, а не так, как они её повели во время аграрного обращения, когда появилась перспектива кадетского министерства.

Кадеты не вступили на лояльную дорожку, когда это могло быть спасительным, потому, что на них тяготело их недавнее прошлое. Чтобы вести борьбу за конституцию против революционной стихии, надо было прежде всего самим «принимать» конституцию. Когда она была открыта, можно было бы её недовольным и её стараться улучшить. Но лояльная партия не могла её отрицать: она была объявлена законоу властью и в законном порядке. А между тем кадетская партия после апрельского съезда, накануне первых заседаний Думы, опубликовала по поводу Основных законов такое постановление: «Партия народной свободы и её представители в Государственной думе объявляют, что они видят в этом шаге правительства открытое и резкое нарушение прав народа, торжественно признанных за ним в Манифесте 17 октября, и заявляют, что никакие преграды, создаваемые правительством, от исполнения задач, которые возложены на них народом».

Эта фальшивая и неискренняя фразеология есть или только «сотрясение воздуха», или означает, что кадеты не признают конституции. Как же они в этом случае могли бы её защищать? Как они могли бы отстаивать самый принцип законности? Ведь если в то время «конституции» не было, то ни о каком «правовом порядке» речи быть не могло; тогда торжествовала бы сила, и только. Тогда было бы то, что показал нам 17-й год; «правительство» спасовало перед «Советами», а пресловутое Учреди-

тельное собрание разбежалось от матросской угрозы. В этом была главная опасность этого времени, и от неё кадеты должны были защищать государство. Но это стало им не к лицу после их резолюции; это, впрочем, не мешает им теперь говорить, будто врагом конституции была власть.

Этого мало. Конституция ни для кого, кроме профессиональных политиков, не была самоцелью; она была нужна как орудие для проведения реформ, в которых нуждался народ. Преобразование России было главной задачей момента; его ждали массы. А между тем кадетская партия на январском и апрельском съездах запретила «органическую» работу, пока не будет изменена конституция. Правда это «запрет» был только хитрой фразой, чтобы скрыть разногласие и избежать раскола; под его прикрытием кадеты все же предлагали «работать». Но идею позицию они этим сдали; политиканство интеллигентное было поставлено выше понятных для народа его интересов. И, отложив удовлетворение интересов страны до полной конституционной победы над властью, кадеты все же обвиняли власть в том, будто это она не хотела «реформы»!

Вот какая «гипотеза» революционной идеологии лежала на кадетах тогда, когда на их долю выпала обязанность защищать правовую строй в России против революционных атак. После уступки, которую самодержавие сделало, перед ними стояла дилемма: или идти старым путем, уступившую власть добывать, как врага, который показал свою слабость, или уступку принять, сговориться с властью на конкретных задачах и их осуществлять, сопротивляясь вместе с властью дальнейшим революционным попыткам. Но нужно было выбрать определенную линию. От поведения кадет зависело тогда направление Думы; в ней могло быть два большинства, для обеих политик. Это был тот исторический момент, когда от руководителей партии зависело ближайшее будущее.

Мы знаем, в чью пользу кадеты разрешили эту дилемму; но не менее интересно, как они её разрешили. Вопрос, от которого зависело все, перед партией не был даже поставлен. Он являлся предпрешенным всем прошлым; поглядеть кругом себя партия не хотела. Накануне открытия Думы, рассказывает её верный летописец Винавер, состоялось первое «объединенное заседание оппозиции», кадет и трудящихся. Устроителями этого заседания были кадеты. Председательствовал на нем Милоков, членом Думы не бывший. «Предмет занятий был, во избежание замешательства, строго вперед определен; наперед были назначены ораторы К.-д. партии для выступления и разъяснения». Было, конечно, естественно накануне официального открытия Думы собрать её на частное совещание. Но это не было частным совещанием Думы. Это было собранием её левого большинства. Правые группы, на которые впоследствии рассчитывал Милоков при составлении своего кабинета, на совещание не приглашались. Большинство было левое с трудящими. Была ли заранее установлена программа этого левого блока, формулированы ли условия, на которых он был заключен, как это было во Франции при образовании Front Populaire (Народного фронта)? Ничего подобного. Просто все осталось по-прежнему, как будто освободительное движение еще продолжалось и между кадетами и трудящими принципиального разногласия не было.

Так прошлое владеет людьми. Во время освободительного движения либерализм вместе с революционными партиями шел против самодержавия. 26 апреля они продолжали идти вместе, даже не поставив вопроса, не стоят ли они теперь, после введения хотя бы и несовершенной конституции, уже по разным сторонам баррикады? Вопрос не ставился, как будто со времени победы освободительного движения ничего нового не случилось. Для масс такая политика была, быть может, понятна; их сущность – инерция, которая одинаково определяет и их покой, и их движение. Дело «руководителей» было понять, что самое прежнее направление должно заставить их перейти на другую дорожку; нельзя свою дорожку искать по «соседям» и идти только за ними. Почему же руководители пошли вместе с ними? Больше всего потому, что у нас руководительства не было. Дело руководителей сводилось к тому, чтобы задним числом объяснить, почему необходимо то, что случилось.

Одна любопытная подробность этого совещания 26 апреля и этого думского «блока». Внутренний смысл его освещается тем, что это большинство назвало себя «объединенной оппозицией». Почему «оппозицией»? Эта терминология не обманка Винавера. Она в книге его не раз повторяется. Так же выражалась в то время вся кадетская пресса. Думское «большинство» было ею превращено в «оппозицию». Когда в третьей Думе кадеты, занимавшие узкую полосу слева, называли себя оппозицией – это было понятно. «Меньшинство» и «оппозиция» понятия родственные. Но почему в первой Думе большинство, которое было в ней полным хозяином, назвало себя «оппозицией»?

Кадеты во всем жили психологией прошлого; это отразилось и в этом названии. При самодержавии все, что было против него, объединялись под общим именем «оппозиции». Тогда Струве писал: «Так как всякая оппозиция в России трактуется как революция, то революция стала простой оппозицией», – красивая мысль, оправданная, может быть, для определенной эпохи, но опасная при новом порядке. Но какой смысл был в этом названии для таких любителей и знатоков парламентаризма, какими были кадеты? Только то, что, как говорил Н.Н. Баженков, кадеты продолжали жить «по старым учебникам».

Так, вместо того, чтобы практиковать и защищать конституцию, кадеты пошли за трудящими, за их разрушительной, революционной стихией. Свои таланты, знания и искусство кадеты стали применять к мелкой и никому не нужной задаче; революционные тенденции Думы по мере возможности облекать в конституционную видимость. Заняв эту подчиненную роль, кадеты все-таки претендовали на лидерство в Думе. Их личные качества им на него не давали. Дума, конечно, пошла бы за ними, если бы они повели её по своей, т.е. по конституционной дорожке; на ней у кадет союзников быть не могло. Но лидерствовать на чуждых для них путях революции было для кадет парадоксальной задачей. В революционной тактике трудящиеся были последовательнее и потому стали внушать больше доверия. Только роспуск Думы показал всем ложь трудящихся исходной позиции. Но кадеты погубили их тактика; то больше дело, на которое именно их призвала история, оказалось им не по силам.

Такое было настроение Думы в момент её открытия. Ясно, что немедленный конфликт между правительством и ею был неизбежен. Но можно ли утверждать, что только «злостное правительство» оказалось в нем виновато?

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Выборы выборщиков в Государственную думу. 1907 год